
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

П. А. ФЕДОСОВ

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ М. Н. МУРАВЬЕВА

В статье рассмотрена эволюция образа М. Н. Муравьева (Виленского) в отечественной исторической памяти. На основе документов и свидетельств современников проведен многофакторный анализ политического поведения Муравьева в начальный период его политической биографии. Предложены гипотезы, касающиеся оценки долгосрочных последствий: а) неудачных попыток Муравьева лоббировать альтернативный вариант отмены крепостного права; б) успешного подавления вооруженного мятежа в Северо-Западном крае (1863 год) и последующей деполонизации культурной и духовной жизни белорусских губерний.

Ключевые слова: исторический миф, декабристы, реформа 1861 года, сослагательная история, восстание 1863 года, Северо-Западный край, белорусы, этногенез.

В 2016 году исполняется 220 лет со дня рождения и 150 лет со дня смерти одного из крупнейших государственных деятелей России 50–60-х годов XIX века графа Михаила Николаевича Муравьева. М. Н. Муравьев прожил долгую и причудливую политическую жизнь. Он начал ее двадцатилетним поручиком среди будущих декабристов, а закончил почти семидесятилетним генералом от инфантерии и председателем Следственной комиссии, отправившей на эшафот злоумышленника, покушавшегося на жизнь Александра II.

В 1863–1865 годах, когда М. Н. Муравьев руководил подавлением вооруженного мятежа в Северо-Западном крае, он был самым популярным человеком в России. Им восхищались митрополит Филарет, А. Горчаков, Ф. Тютчев. Со всех концов империи ему слали приветственные письма дворянские собрания, купеческие общества, крестьянские сходы, за его успехи возносились молитвы в тысячах православных церквей. В то же время в либерально-

аристократических кругах его величали «людоедом», а в революционно-демократическом лагере во главе с А. И. Герценом поток приветственных писем в адрес Муравьева называли «адресоложеством», его самого честили «вешателем» и «вампиром».

Когда в сентябре 1866 года император, наследник престола и весь двор провожали Муравьева в последний путь, на печальной церемонии незримо присутствовали два разительно не похожих друг на друга мифа. В одном он представлял самоотверженным героем без страха и упрека, могучим спасителем России, в другом — беспринципным ренегатом и кровавым палачом. В первое время после кончины графа героический миф слегка поблек, но с середины 1870-х годов М. Н. Муравьев вновь востребован как символ русской силы. В 1890-е годы в Вильно ему был воздвигнут памятник, учрежден посвященный ему музей. В первые десятилетия XX века, по мере распространения демократических настроений и критического отношения к официальной историографии, в трактовке образа Муравьева усиливаются критические ноты, восходящие к наследию А. И. Герцена. В 1915 году статью о Муравьеве в «Энциклопедический словарь Гранат» написал будущий «глава марксистской исторической школы в СССР» М. Н. Покровский. Статья, выдержанная в жестко антимуравьевском духе, с середины 20-х годов стала директивной для советских историков и энциклопедий. В 1936 году историческая школа Покровского была подвергнута разгрому, в частности за «очернительство истории России». Очень короткий список конкретных имен, подлежавших исторической реабилитации, определялся непосредственно директивной инстанцией. Муравьева в нем, конечно, не было, как и имен десятков других выдающихся деятелей XIX века. Но если другие были просто вычеркнуты из истории, то М. Н. Муравьев остался в ней как антигерой с обязательным атрибутом «вешатель».

В особенно трудном положении оказались исследователи истории декабризма, которым без упоминания М. Н. Муравьева обойтись было сложно, но которые помнили, что по правилам сталинского исторического мифотворчества отрицательные герои не должны упоминаться в компании с героями положительными. (В ряде энциклопедических изданий, например, в соответствующих статьях упоминается о том, что А. Н. и Н. Н. Муравьевы родные братья, но о том, что Михаил Николаевич тоже их родной брат, не сообщается.) Простой выход из трудного положения нашла

М. В. Нечкина (1951: 164), которая при упоминании М. Муравьева среди членов преддекабристских обществ сообщает, что «до ареста в 1826 г. будущий Муравьев-Вешатель, жесточайший усмиритель польского восстания 1863 года, еще не проявлял своих палаческих черт».

Ситуация изменилась только после того, как российская историческая наука была освобождена от идеологических императивов и политических запретов. М. Д. Долбилов (2002), опираясь на обширный архивный материал, непредвзято проанализировал различные периоды деятельности Муравьева. В 2007 году появилось диссертационное исследование С. В. Ананьева, освещающее политическую биографию Михаила Николаевича в целом (Ананьев 2007). В 2008 году были переизданы записки Муравьева с приложением выдержек из мемуаров его современников. Составитель сборника и автор предисловия К. В. Петров (2008) завершает подготовленную им развернутую биографическую справку призывом отказаться от оценки Муравьева только как «вешателя». В 2014 году Институт русского мира издал сборник воспоминаний современников о М. Н. Муравьеве, включив в книгу в основном записки деятелей, симпатизировавших его политике (Лебедев 2014). Наконец, Институт российской истории выпустил в свет монографию Э. П. Федосовой (2015), в центре внимания которой деятельность Муравьева в Северо-Западном крае.

Таким образом, сегодня М. Муравьев уже не является только и исключительно *антигероем* отечественной истории. Ему выпало участвовать в важнейших событиях и свершениях отечественной истории 1820–1860-х годов, причем во многих из них он занимал ключевое место. Понять, как происходили эти события, без учета его роли невозможно. Да и сами действия и мотивы Муравьева в разных исторических ситуациях, его эволюция как личности и как политика нуждаются в дальнейшем осмыслении. До сих пор не изучены многие документы, хранящиеся в центральных, ведомственных и региональных архивах. Автор этих строк работает над монографией, которая, возможно, восполнит некоторые белые пятна в биографии этого незаурядного и неоднозначного человека.

Из-за многообразия действующих в истории лиц и групп, скрытости и малодоступности для анализа истинных мотивов их действий науке не по силам дать *исчерпывающий* ответ на знаменитый вопрос Л. фон Ранке: «Как это было на самом деле?» Но продвигаться ко все более полному представлению исторической реально-

сти возможно. Взглянуть под этим углом зрения на некоторые особенно яркие эпизоды жизни и деятельности М. Н. Муравьева и тем самым еще раз напомнить о нем в год его двойного юбилея – такую задачу ставит перед собой автор в предлагаемой статье.

Эпизод 1. Муравьев в декабристском движении (1816–1826 годы)

«По Высочайшему Его Императорского Величества повелению Комитет для изыскания о злоумышленном обществе сим свидетельствует, что отставной подполковник Михайло Николаев сын Муравьев, как по исследованию найдено, никакого участия в преступных замыслах сего общества не принимал и злонамеренной цели оного не знал» (ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). С этим оправдательным аттестатом Муравьев вышел на свободу после почти шестимесячного пребывания под арестом и следствием по делу декабристов. Оправдание состоялось, но вопросы для исследователей остались. Что привело его в компанию государственных преступников? Какой была его роль в деятельности тайных обществ? Каким образом ему удалось доказать свою невиновность, и так ли несведущ и невиновен он был, как утверждается в аттестате?

Попробуем в ракурсе исторической психологии взглянуть на жизненные обстоятельства, личностные особенности и мотивацию Муравьева, предопределившие его участие и поведение в преддекабристском движении, а затем отход от него.

Итак, 1816 год. Муравьеву 20 лет, за плечами у него война. В массовом сознании россиян XX–XXI веков война 1812 года окутана романтическим флером. Но когда читаешь записки участников событий, от романтики не остается и следа, и война предстает со всеми ужасами взаимного озверения, со всеми страданиями от боли, голода и холода. Большинству вернувшихся с войны русских офицеров довелось, по крайней мере, насладиться триумфом торжественных вступлений в освобождаемые европейские столицы, многомесячным отдыхом на удобных зимних квартирах в центре внимания местной публики. Муравьев оказался лишенным и этой компенсации. Три месяца отступления с непрерывными, иногда круглосуточными, трудами по квартирмейстерской части, голодом, грязью и неуютностью, потом несколько часов в самом пекле Бородинской битвы и тяжелое ранение. Гангрена, мучительная без наркоза операция, рецидив гангрены и опять операция. В 1813 году возвращение в действующую армию, участие в боях под Дрезде-

ном – но плохо залеченная рана открывается, лишая его возможности ездить верхом, и опять лазарет и теперь уже окончательное возвращение в Россию. Он беден, не женат, имеет скромное звание поручика. За Бородино награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, но кто из офицеров действующей армии не отмечен орденами? И должность скромная – преподаватель математики и помощник начальника училища для колонновожатых. Большая военная карьера, о которой вместе с братьями мечтал Михаил до ранения, для него закрыта: рана постоянно дает о себе знать, мешает ездить верхом и заставляет пользоваться костылями (в одном из доносов его именуют «безногим» [Грибовский 1875]).

Тайное общество, основанное его старшим братом Александром, для Михаила никогда не было тайной. И, конечно, вопрос о возможном присоединении к нему встал перед последним задолго до того, как Александр попытался провести формальную церемонию приема Михаила в члены общества. Какие же мотивы определяли его решение?

Первой предпосылкой подключения человека к любой общественной деятельности, тем более оппозиционной, становится настрой на общественную активность, приобретаемый, как правило, еще на семейном этапе социализации. Для семьи Муравьевых активизм был в высшей степени характерен. Отец Николай Николаевич на свои средства создал и в течение ряда лет поддерживал училище для колонновожатых. Старший брат создал Союз спасения, поплатился за это ссылкой, но в конце жизни вновь пытался инициировать создание общественной организации – «Союза народной совести» (НИОР РГБ. Ф. 336/II. К. 78. Ед. хр. 26). Брат Николай еще подростком сколотил общество сверстников, чтобы основать колонию на Сахалине. Михаил был привержен этой семейной традиции – посвящать время, силы и знания общественно полезным занятиям. Пятнадцатилетним студентом он организовал Общество любителей математики и написал его устав. Общество проводило публичные лекции и семинары по математике, занималось переводом лучших французских и немецких книг по предмету. Оказавшись через год на военной службе в Вильно, братья Муравьевы в ожидании назначения посвящали вынужденный досуг не «гусарским доблестям», а топографическим съемкам. Михаил изобрел и опробовал специальный прибор для облегчения топографических работ.

Свои вольнолюбивые помыслы будущие декабристы, как известно, привезли из Европы, где долгое время находилась русская армия. Михаил не жил в Европе, не соприкасался непосредственно с европейскими политическими институтами и свободами. Но среди соучредителей общества и его первых членов, кроме брата Александра, было множество родственников и друзей юности – Никита Муравьев, С. и М. Муравьевы-Апостолы, братья Колошины, И. Якушкин. Это самые близкие ему люди, его референтная группа. Да и звучащая на собраниях критика существующих порядков была близка его собственному мироощущению. Бездарность и произвол стоящих у трона, несправедливость в распределении чинов и наград претят ему. Михаил предпочитает не говорить на эти темы публично, но в переписке с самым доверенным корреспондентом – братом Николаем, будущим знаменитым Муравьевым-Карским, эти чувства прорываются ясно и недвусмысленно. В ответ на письмо, в котором Николай жалуется на то, что его заслуги во время труднейшей экспедиции в Хиву не получили награды, Михаил писал брату: «В России... должно или с презрением к правящим тварям совсем удалиться, или служить с тем, чтобы их когда-нибудь истребить» (Из эпистолярного... 1975: 174). Особое сочувствие Михаила вызывает остро негативное отношение членов тайного общества к засилью иностранцев в русской армии и на государственной службе. Чувство это было так единодушно, что еще до создания общества, затевая с Якушкиным первый зондажный разговор, Александр Муравьев предложил тому создать общество для «противодействия немцам, состоящим на русской службе. Я знал, что Александр и его братья были враги всякой немчизне...», – вспоминал впоследствии Якушкин (1905: 6). Борьба против «иноземщины» была единогласно включена в программу деятельности общества (Восстание... 1925–1969, т. 3: 49).

Итак, семейный муравьевский активизм, родственные и дружеские связи с основоположниками тайного общества и совпадение его критического отношения к российской действительности с их оппозиционными взглядами подталкивают Михаила к участию в проекте. Но его незаурядный математический ум, который отмечали как друзья, так и враги, если и не исключал вовсе, то минимизировал непродуманные действия. Поэтому, скорее всего, определяя свое отношение к тайному обществу, Муравьев взвешивал риски этого шага.

Участие в тайном обществе вряд ли вызывало у Михаила Муравьева ассоциации с чем-то опасным и преступным. До 1822 года тайные общества не были запрещены в России. Множество знакомых ему уважаемых и успешных людей были членами масонских лож. Высокопоставленными масонами были его отец и брат Александр; в масонские ложи входили попечитель Московского университета, в котором Михаил учился, князь П. И. Голенищев-Кутузов, министр просвещения А. К. Разумовский, будущий шеф жандармов А. Х. Бенкендорф и многие другие. Это не только не мешало, но и помогало их успешному продвижению по службе.

Годами и званием Михаил был младше большинства своих товарищей по тайному обществу. Но он честолюбив, знает себе цену и не согласен на роль младшего родственника. К тому же он осторожен и не склонен к непросчитанным авантюрам. Судя по его дальнейшим действиям, самым большим риском ему должна была представляться перспектива оказаться в обществе на десятых ролях и стать заложником избыточного радикализма некоторых его членов. Эти опасения Михаила персонифицируются в П. И. Пестеле с его претензиями на лидерство, радикальным прожектерством и тем влиянием, которое он приобрел на брата Александра. Михаил рос средним братом в семье с шестью детьми. Современная семейная психология установила, что средние дети сочетают в себе склонность следовать в фарватере старших с лидерской способностью самостоятельно принимать решения и противостоять диктату (Schoenbeck 2012). И поручик Муравьев решительно оппонирует двум полковникам – Пестелю и собственному брату, который поддерживает предложенный Пестелем устав, проникнутый собственным масонским ложа́м духом «клятв и кинжалов» и требующий от членов организации полного и безоговорочного подчинения руководителям общества. Михаил решительно отказывается принести соответствующую клятву и выступает с контрпредложением: принять умеренный устав в духе немецкого Тугендбунда, осторожно определить целью общества «противодействие злонамеренным людям и споспешествование благим намерениям правительства» (Якушкин 1905: 17) и представить этот устав на утверждение императору. Смелое оппонирование лидерам повышает статус Михаила среди членов общества.

Вряд ли Михаил и члены общества, которые поддержали его, видели в этом предложении что-то парадоксальное. Ведь Устав Тугендбунда также представлялся на утверждение королю Пруссии.

Кроме того, и это главное, для русского политического сознания александровской эпохи было в высшей степени характерно усматривать коренное различие между государем и его окружением. Государь – фигура сакральная, и все злое и вредное, что исходит из Зимнего дворца, имеет источником не государя, а его недобросовестное, корыстное и бездарное окружение, злых советников, «тварей», предающих интересы отечества. Оттеснить злых советников от государя, заменить их собой – так, видимо, понимается Муравьевым и его единомышленниками задача общества «Истинных и верных сынов Отечества» (оно же – «Союз спасения»). Это делает возможным «непарадоксальное» соединение в мотивации умеренного крыла организации стремления к благу отечества со стремлением к личной карьере, участие в тайном обществе – с лояльным отношением к государю.

Возможно, Михаилу и его сторонникам и удалось бы удержать тайное общество в рамках законности, но в сентябре 1817 года произошло событие, навсегда вытолкнувшее «Союз спасения» из правового поля: на собрании нескольких руководящих членов Союза было единогласно принято решение об убийстве Александра I. Оно было принято на основании ложных слухов, в состоянии экзальтации и, возможно, не без воздействия виновных паров (И. Бурцов в своих показаниях прямо говорит, что участники встречи «пировали»). Уже в ближайшие дни сведения, послужившие поводом для этого отчаянного решения, были дезавуированы, и вопрос, казалось бы, был исчерпан. Но при весьма низком уровне конспирации в обществе описанный инцидент не мог не стать достоянием общественности. В качестве предосторожности было решено прекратить существование «Союза спасения» и переформатировать его в организацию с новым именем – «Союз благоденствия» и умеренным уставом в духе Тугендбунда.

Михаил не присутствовал на роковом заседании, во всяком случае, он не упоминается в числе присутствовавших никем из участников. Но он находился в это время в Москве, уже был членом общества (Якушкин 1905) и, скорее всего, присутствовал на каком-либо из последующих совещаний, где обсуждалось и, к счастью, отменялось преступное намерение, и уж во всяком случае не мог не знать о происшедшем. Он также не мог не понимать, что даже нереализованное намерение цареубийства преступно, равно как и недонесение о нем. Над Михаилом, как и над всеми лидерами

общества, повис дамоклов меч обвинения в покушении на царевубийство.

Между тем в его жизни происходили положительные изменения. К ноябрю 1820 года он уже подполковник. Наладились дела и на личном фронте: в 1818 году Михаил женился на дочери соседей по поместью отца, семнадцатилетней Пелагее Шереметьевой. Жена принесла неплохое приданое – поместье в Рославльском уезде Смоленской области с двумястами душ мужского пола (ГИМ ОПИ. Ф. 241. Ед. хр. 22. Л. 2 об.).

Некоторое время Муравьев продолжал преподавательскую работу в училище колонновожатых. При этом он, похоже, не только преподавал математику и строго следил за поведением учащихся (военные порядки и униформа были введены в училище именно по его предложению). Судя по тому, что 24 выпускника училища позже оказались в рядах декабристов, математикой и дисциплиной влияние Муравьева на будущих офицеров Генштаба не ограничивалось. При этом он не мог не ощущать нарастающего внутреннего конфликта между тем, что знал о крамольных мыслях своих товарищей по тайному обществу, оппозиционными настроениями, которые так или иначе поощрял (по крайней мере, не порицал) в образе мышления своих учеников, и долгом лояльности властям, который считал связанным с воинской присягой. Одновременно, наблюдая за деятельностью Пестеля и его единомышленников, Муравьев все яснее чувствовал, что рано или поздно радикалы втянут движение и всех, кто когда-либо принадлежал к нему, в самоубийственную авантюру. Осенью 1820 года 26-летний подполковник Муравьев подает в отставку, ссылаясь на состояние здоровья («за раню», как сказано в его Формулярном списке). Думается, нарастающий внутренний конфликт послужил мотивом решения в наименьшей степени, чем состояние здоровья.

Выйдя в отставку, М. Муравьев поселился в полученном от жены в приданое имении. Он планировал завести прибыльное хозяйство, строил винокуренный завод... Но в уезде из-за неурожая начался голод, губернские власти бездействовали. Муравьев устроил в винокуренном цехе бесплатную столовую, где ежедневно питались сотни крестьян, с помощью тещи Н. Н. Шереметьевой организовал сбор средств в Москве. На собранные 30 000 рублей можно было купить только 1300 четвертей хлеба (примерно 340 тонн) (Якушкин 1905: 59–60). Для десятков тысяч голодающих это ничтожно мало. И тогда Муравьев вновь проявляет свой обществен-

ный активизм: инициирует съезд уездного дворянства и направление от его имени коллективного письма министру внутренних дел через голову губернского начальства. Это возымело действие. В уезд был направлен с инспекцией сенатор Д. Б. Мертваго, известный своей абсолютной честностью и недюжинной распорядительностью. Зашевелилось и губернное начальство. МВД выделило средства. Голодающие получили реальную помощь, голод пошел на убыль. Для Муравьева это был ценнейший опыт, подтверждающий возможность конструктивного взаимодействия общественной инициативы и властей.

Исследователи до сих пор не пришли к общему мнению относительно того, была ли эта деятельность Муравьева его вкладом в исполнение программы тайного общества или речь шла скорее об исполнении попечительских обязанностей, предписанных законом помещикам в отношении их крепостных крестьян. Впрочем, возможно, что для Муравьева это было и тем и другим, так что в зависимости от обстоятельств он мог упоминать работу по помощи голодающим и как иллюстрацию своей активности в тайном обществе, и как доказательство законопослушания и отеческого отношения к крестьянам. Как бы то ни было, уехав из Москвы, Муравьев постепенно отходит от дел тайного общества, хотя, бывая в Москве и Петербурге по делам помощи голодающим, встречается с товарищами по «Союзу благоденствия».

Участвовал он (хотя не с самого начала) и в совещании Коренного совета «Союза благоденствия» в январе 1821 года, на котором было объявлено, что «Союз» прекращает существование. Объявление было тактическим ходом радикалов, рассчитывавших таким образом избавиться от тех членов, которые были не готовы к жесткой конспирации и практической работе по подготовке переворота. К числу последних принадлежал и Михаил, но среди тех, кто решил продолжать борьбу, было немало его друзей. Они ценили Михаила, хотели видеть его в своих рядах. Поэтому он был ознакомлен с новым уставом тайного общества (Восстание... 1925–1969, т. 3: 56), но в конспиративной работе активного участия, видимо, не принимал, во всяком случае, всегда отрицал это.

О восстании Михаил узнал из газет в конце декабря. После Нового года в печати появились имена главных участников восстаний в Петербурге и Киевской губернии: С. Трубецкого, Никиты Муравьева, братьев Муравьевых-Апостолов, других его друзей и сослуживцев. Михаил предчувствовал арест и решил не ждать его в де-

ревне, а отправиться в Москву. По дороге и в самой Первопрестольной он, очевидно, надеялся собрать сведения о круге арестованных лиц, о том, что известно следствию, и выстроить свою линию защиты. Путешествие до Москвы (примерно 300 верст) длилось 9 дней, и Муравьев имел возможность собрать максимум информации. На другой день после приезда в Москву он был арестован, препровожден в Петербург и помещен под арест.

Поведение большинства (не всех) декабристов под следствием – грустная глава истории декабризма. Эти несомненно мужественные люди сыпали именами соучастников, обличали друг друга на очных ставках, вину и калялись. Это было поведение, в значительной степени движимое подсознанием, поведение сыновей, кающихся за попытку бунта против отца (царя), ненавидимого и одновременно боготворимого (фрейдовская *Ambivalenz der Gefühle*).

Поведение М. Муравьева, напротив, было с начала до конца рационально и подчинено продуманной системе. («Система» – любимое понятие Муравьева, которое он позже применял, вырабатывая и реализуя свои предложения по тем или иным вопросам: будь то управление государственными крестьянами, порядок отмены крепостного права или усмирение восставшей шляхты.) В данном случае система состояла в том, чтобы не скрывать факта членства в тайном обществе, но твердо и полностью отрицать какое-либо участие в противозаконных действиях и даже знание о них; не называть никого из соучастников, кроме тех, кто либо был уже арестован и давал признательные показания, либо был недосыгаем для следствия, но одновременно не жалеть слов для изъяснения своей преданности государю. В письменных показаниях Михаил сообщал: «В ноябре и декабре 1817 года начало образовываться при мне тайное общество под названием “Союз благоденствия”, которое имело целью распространение добрых нравов, просвещения и противостоять против лихоимства и неправды» (Сахаров 2001: 373). Конечно, он лукавил. Замысловатая формулировка «начало при мне образовываться» и даты «в ноябре-декабре 1817 г.» ненавязчиво, но однозначно сигнализируют, что до той поры он об обществе не слыхал и, следовательно, о разговорах про царевбийство (сентябрь 1817 года) ничего знать не мог. Лукавил и по вопросу о целях общества: ему было прекрасно известно, что среди этих целей числилось и изменение государственного строя, и освобождение крестьян. На вопрос о других участниках Муравьев назвал бра-

та Александра, Фонвизина, Трубецкого, Новикова и Перовского. Первые трое, он знал, арестованы и дают признательные показания, Новиков умер, а Перовский за границей и, если не захочет, может не возвращаться в Россию. Других участников Муравьев «запамятовал». Это с его-то феноменальной памятью. На достойное поведение Михаила под следствием первым указал П. Щеголев (1926) и тем опроверг расхожую клевету П. Долгорукова (1864), будто Муравьев сдал многих товарищей.

М. Муравьев стоял на своих позициях и тогда, когда ему в письменном виде адресовали прямой вопрос о замысле царевубийства в сентябре 1817 года, причем в такой форме, которая должна была показать полную осведомленность следствия. От него требуют объяснить, какие причины родили это ужасное намерение и кто разделял его. «Все означенное... для меня совершенно чуждо, я ни на каких подобных совещаниях не был и потому ничего о сем изъяснить не могу», – отвечает он. Твердая позиция резко контрастирует со стилистикой его писем царю и Бенкендорфу. Они напоминают плач Ярославны: «Страдалец от ран, понесенных в 1812 году, Государь всемилостивейший, чем прогневал я Ваше Императорское Величество, даждь услышать мне вину свою и принести свои оправдания» (Там же: 370). Стилистически наш герой здесь явно переборщил, но содержание, как подметил Долбилов, все то же: невиновен, прошу дать возможность оправдаться!

Показания других подследственных (Трубецкого, Никиты Муравьева) в целом подтверждали показания Михаила о его неучастии в роковом совещании в Москве в сентябре 1817; он упоминался как соавтор умеренного устава «Союза благоденствия» по образцу Тугендбунда и среди окончательно «отставших» после января 1821 года. Осложняло его положение показание Якушкина о том, что в январе 1821 года М. Муравьеву был прочитан устав «нового, потаенного общества», т. е. что он знал о тайном решении продолжить деятельность организации (Восстание... 1925–1969, т. 3: 57). Два опасных для Муравьева момента есть в деле Сергея Муравьева-Апостола. Он упоминает М. Муравьева среди *основателей* общества в 1816 году. Это разрушает версию о его полной непричастности к обществу до ноября-декабря 1817 года. В этом же деле есть сообщение Бестужева о том, что Муравьев-Апостол посылал его (Бестужева) в Москву с письмами к Михайле Муравьеву и Михайле Фонвизину в 1823 году, т. е. через два года после якобы окончательного разрыва Михаила с обществом (Там же:

392). Значит, и в этот период Михаил, вероятно, поддерживал связи с заговорщиками, ибо о чем еще могли посылаться письма одним из руководителей движения двум его ветеранам не по почте, а с надежным гонцом? Но эта последняя, губительная для Муравьева информация почему-то осталась без внимания.

Особенно печальные последствия для Михаила Николаевича могло иметь торжественное письменное заявление его брата, данное, конечно, с целью облегчить его участь. «Брат мой родной отставной подполковник М. Н. Муравьев всегда удалялся или с омерзением прекращал всякие преступные разговоры. Он всегда держался прямой писанной цели общества, которой было распространение Просвещения и Добродетели; и когда мне случалось увлечену быть страстью, он всегда приводил меня к порядку. О сем теперь торжественно объявляю. 17 января 1826 г.» (Восстание... 1925–1969, т. 3: 10–11). В пылу братолюбия благородный, но неосторожный Александр не замечает, что это заявление легко может быть истолковано против брата: значит, «преступные разговоры» велись регулярно и Михаил знал о них.

Старшие товарищи, которые уже на первых допросах сдали его как одного из активных участников тайного общества; брат, который, действуя из лучших побуждений, едва не разрушил всю конструкцию его защиты; свояк, который едва не погубил его своими показаниями... Муравьев приобретает горький опыт необходимости быть осторожным даже с друзьями.

К счастью для него, упомянутые показания С. Муравьева-Апостола в Доклад следственной комиссии Императору не вошли. Но окончательное решение было за царем. Николай колебался и при первом докладе ему резюме по делу Михаила Муравьева наложил резолюцию: «Подождать». Два с половиной месяца Муравьев ждал: без допросов, без ответа на свои письма к царю и Бенкендорфу с просьбами принять его для личных показаний. Можно представить, чего стоили ему эти месяцы ожидания. Наконец следствие закончилось. Никаких дополнительных компрометирующих материалов не поступало. При повторном докладе по делу М. Муравьева царь пишет на его деле: «Отпустить». Муравьев выходит из-под ареста, через несколько дней представляется Николаю и получает Аттестат. Это был еще один, важнейший, урок для Муравьева. Он не мог не понимать, что его объяснения были уязвимы и полное оправдание – результат снисхождения государя.

Другой после всего, что пришлось испытать, сидел бы «тише воды, ниже травы». Но Муравьев верен своей системе: раз я признан полностью невиновным, то волен испрашивать восстановления на службе. Он пишет прошение о зачислении на военную службу и достаточно быстро восстанавливается в прежнем звании. Но вопрос о назначении на должность затягивается. Муравьев не унывает: раз я на службе, я должен «быть поелико возможно, полезным» и через это быть на виду. Используя свободное время и опыт, приобретенный во время борьбы с голодом, он пишет на имя царя записку о причинах и способах искоренения злоупотреблений чиновников (Кропотов 1874: 418–426), т. е. поднимает вопрос, который, по его версии, находился в центре внимания тайного общества. Легко представить себе, с каким трепетом он ждет реакции Николая I. Возможны варианты: царь может возмутиться неумностью нахала, который едва успел оправдаться и уже смеет вылезать со своими предложениями. Может просто проигнорировать записку, во многом действительно достаточно наивную. Но государь знакомится с запиской, находит ее интересной и передает министру внутренних дел для рассмотрения и учета в работе. Муравьев получает монаршую благодарность и переводится с повышением с военной службы на гражданскую на должность Витебского вице-губернатора.

Думается, именно в этот момент Муравьев принес обет нерушимой преданности государю. Не власти вообще, не сановникам любого ранга, которые для него навсегда останутся «тварями», а Государю как помазаннику божьему. Этому обету он никогда не изменит.

Итак, он на виду, успешно опробовал технологию прямого обращения к императору как метод: принося пользу престолу, способствовать собственному карьерному росту. Эту технологию он будет практиковать всю дальнейшую жизнь.

Эпизод 2. Муравьев и реформа 1861 года

В последующие десятилетия М. Н. Муравьев уверенно поднимался по служебной лестнице. Он участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 годов. 12 лет работал на губернаторских должностях, стал виртуозом взимания податей и недоимок. Как знаток и мастер этого важнейшего для казны дела в 1839 году Муравьев был назначен директором департамента разных податей

и сборов Министерства финансов. Через его департамент проходила почти половина всех доходов казны.

Одновременно Муравьев получил должность управляющего Межевым корпусом, т. е. на него была возложена подготовка кадров для топографической съемки и размежевания сельхозугодий и лесов – важнейших в ту пору природно-хозяйственных ресурсов России. Он введен в Сенат, в 1850 году назначен членом Государственного совета. «Во внимание к отличной и всегда *полезной* службе» (ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–126) Николай I наградил его шестью орденами, бесчисленными благодарностями и денежными поощрениями. Самый большой карьерный скачок Муравьев совершил в начале нового царствования. В 1856–1857 годах Александр II пожаловал его в генералы от инфантерии и назначил председателем Департамента уделов, ведавшего личной собственностью и доходами императорского дома, затем главой Министерства государственных имуществ, управлявшего большей частью производительных сил России, в том числе более чем ста миллионами десятин сельхозугодий, почти двадцатью миллионами государственных крестьян, лесным хозяйством, горным делом и т. д. Эти назначения ввели Муравьева в круг высших должностных лиц государства, подчиненных только и непосредственно царю.

В начале 1857 года Александр II принял решение приступить к разработке пакета нормативных документов о порядке отмены крепостного права в России. Император лично определил состав Секретного комитета, на который возлагалась эта работа. В комитет вошли 14 высших сановников империи. Одним из них был М. Муравьев.

В огромной литературе, посвященной реформе 1861 года, Муравьев обычно оценивается как враг преобразований и завязтый крепостник. Эти оценки восходят к отзывам его коллег по Главному комитету и прежде всего к мнению Великого князя Константина Николаевича, политического руководителя всего комплекса подготовительных работ. В его дневниках 1859–1861 годов множество, мягко говоря, нелестных характеристик Муравьева: «Ужасный человек», «Он лгал с невероятной наглостью», «Муравьев был отвратителен как всегда», «канальские выступления Муравьева». После каждого столкновения с Муравьевым Константин отправлялся к своему венценосному брату специально для разоблачения козней министра госимуществ (Переписка... 1993: 214, 281, 282). Советская историческая наука пошла в этом вопросе по пути, указанному

Великим князем и его единомышленниками. М. Н. Покровский определил роль Муравьева в крестьянской реформе как «чисто отрицательную» (М. Н. 1915), и эта оценка многие десятилетия не подвергалась сомнению. Даже в обстоятельных исследованиях по истории преобразований 1861 года Муравьев уже при первых упоминаниях характеризовался как «реакционный министр» и «активный противник крестьянской реформы» (Захарова 1984: 29, 56–57). Только в начале XXI века оценки становятся более взвешенными, и для этого есть документальные основания.

Сегодня исследователям хорошо известна записка «Замечания о порядке освобождения крестьян», написанная М. Н. Муравьевым в октябре 1857 года в ответ на опросник, направленный всем членам Секретного комитета его председателем А. Ф. Орловым с целью выяснить их мнение об общих принципах предполагаемой реформы. По первому и главному вопросу: «Должно ли приступить теперь к общим мерам освобождения крепостного сословия, или следует ограничиться одними частными и переходными мерами» – большинство членов Главного комитета высказались крайне осторожно. «К полному и безусловному освобождению ныне же крепостного сословия приступать не следует» (министр внутренних дел С. С. Ланской); «непременно ограничиться частными и переходными мерами» (Я. И. Ростовцев) и т. п. Муравьев отвечает ясно и недвусмысленно: «Вопрос об отмене у нас крепостного состояния есть, без всякого сомнения, жизненный для государства, *и решение оно не может быть отложено*» (курсив мой. – П. Ф.).

Далее он останавливается на характеристике настроений крестьян, необходимости параллельно с первыми шагами реформы наладить систему государственного управления на уездном уровне и т. д. Но общий пафос очевиден: начинать немедленно, двигаться маленькими шажками, но упорно (ГИАРФ. Ф. 1180. Оп. 15. Ед. хр. 13. Лл. 4, 20, 72, 222–241). Это был не первый документ, в котором Муравьев решительно высказывался за освобождение помещичьих крестьян. Еще в 1837 году, излагая по поручению министра госимущества П. Д. Киселева свое видение реформы управления государственными крестьянами, Муравьев отмечал, что эта реформа должна указать тот тип взаимоотношений владельцев земель и сословия хлебопашцев, который рано или поздно сделается общим в России (ГАРФ. Ф. 811. ОП. 1. Ед. хр. 19. Л. 18). Государственные крестьяне по закону рассматривались как свободные сельские обыватели. Они могли выступать в суде, совершать сделки, владеть

фабриками и заводами, приобретать незаселенные земли. За пользование казенными землями они платили государству оброк, фактически арендную плату. Таким образом, уже тогда Муравьев исходил из того, что *все крестьяне в России должны стать лично свободными арендаторами*. Список подобных документальных свидетельств легко продолжить.

Итак, Муравьев не был противником отмены крепостного права. И его известная реплика на заседании Комитета: «Господа, через десять лет мы будем стыдиться того, что владели душами», – не была хамелеонской, как это инкриминировал ему П. Долгоруков (1864). Муравьев был противником реформы *в том виде, который был придан ей Редакционной комиссией под политическим патронажем Константина Николаевича и экспертным руководством Н. А. Милютина и в котором она стала законом 19 февраля 1861 года*. Против такой реформы Муравьев боролся упорно и настойчиво, невзирая на ненависть второго лица в государстве и вполне для него очевидный риск снискать немилость императора. Последнее, кстати, опровергает распространенное мнение о том, что в основе этой позиции Муравьева лежали собственные или узкогрупповые материальные интересы. Несогласие с реформой в версии Редакционной комиссии проистекало из его убеждения в том, что она сулит самодержавию и России (для него это синонимы) неисчислимыя беды в будущем.

Укажем на два основных соображения – экономическое и политическое, – лежавших в основе этого убеждения министра государственных имуществ.

Ключевым для экономической будущности России Муравьев считал повышение продуктивности сельского хозяйства как основного источника государственных финансов и главной в то время движущей силы всего народного хозяйства. Пройдя долгую школу практического управления сельскохозяйственными комплексами на уровне имения, губернии, казенной деревни в целом, он предметно разбирался в этих вопросах, так что Л. Г. Захарова (1984: 60), считавшая, что «никто из членов Секретного комитета не знал серьезно крестьянского вопроса», не вполне права.

Залогом повышения продуктивности ему представлялись модернизация технологии сельскохозяйственного производства, применение достижений агрономии, использование современных машин и приспособлений. Но все это возможно только в крупных хозяйствах у просвещенных хозяев. «В хозяйстве помещика или

вообще фермера прилагаются капиталы, ум и знание, а в крестьянском, как оно у нас поставлено, работают настолько, сколько нужно, чтобы обеспечить себя и семейство, и не думают об улучшении хозяйства – по сей причине большая часть земли у нас мало производительна». Поэтому «для пользы государства надобно поддерживать преимущественно хлебопашное хозяйство помещиков», – писал Муравьев, возражая против выкупа у помещика в пользу крестьянской общины большого количества земли, чем было необходимо для самообеспечения крестьян и оплаты налогов и податей (ГИАРФ. Ф. 1180. Ед. хр. 96. Л. 226).

Политическая сторона дела виделась Муравьеву в том, что, посягая на право собственности помещика на землю (путем добровольно-принудительного выкупа у него земли, переходящей затем в собственность крестьянской общины), правительство, во-первых, разрушает веру всех сословий в незыблемость закона (ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 4), во-вторых, наносит удар по тесной материальной связи двух основных сословий России – дворянства и крестьянства (ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2). Особую тревогу вызывала у него перспектива утраты основы самодержавия – сакрального отношения дворянства к престолу, чувства кровного единства с ним. Такая перспектива представлялась ему неизбежным последствием того, что авторы законодательства о поземельном и административном устройстве крестьян, выходящих из крепостной зависимости, по существу, проигнорировали предложения дворянства, которое первоначально объявлялось инициатором освобождения крестьян и которое в лице губернских комитетов почти единодушно заявило о неприятии реформы в том виде, как она была подготовлена Редакционными комиссиями (Журналы... 1915: 41, 99–103 и др.).

Эти мысли проходят через все основные документы, написанные или отредактированные Муравьевым по крестьянской реформе. При этом Муравьев считал, что материальное положение крестьян в результате реформы не улучшится. Их ожидания «полной свободы», т. е. прекращение всяких работ и платежей за землю и предоставление крестьянам всей помещичьей земли, удовлетворены не будут. Он предлагал вводить новые порядки не торжественно и одновременно, предвидя неизбежное в этом случае разочарование и недоумение крестьян, а постепенно, внося изменения в отдельные статьи действующего законодательства, и без лишнего шума (ГИАРФ. Ф. 1180. Оп. 15. Ед. хр. 13).

В тот момент, когда эти соображения формулировались и приводились как аргументы в политической борьбе, они вполне могли быть оспорены и оспаривались его оппонентами. Его аргументы отвергались как проявление неверия в творческие силы крестьянства, как выражение узкословных интересов дворянства, наконец, просто как шантаж и попытка манипулировать государем. Но сегодня, зная, что произошло с Россией и российским крестьянством в конце XIX – первой половине XX веков, ко многим из его предостережений приходится отнестись серьезно.

Во-первых, сразу после объявления манифеста подтвердилось опасение Муравьева, что реформа вызовет недоумение и разочарование. Как сообщают многочисленные свидетели, крестьяне в большинстве своем из зачитанного им в церквях многостраничного манифеста поняли только то, что земля, которую они привыкли считать своею, не переходит к ним совсем, а за нее, да и то не всю, а с отрезками, придется еще много лет платить деньгами и отработками. Понятия «свобода» и «повинности в пользу помещика» никак не совмещались в их сознании. Массово распространился слух о том, что зачитан был подложный документ, что господа подменили подлинную царскую грамоту (Игнатов 1911: 172–179). Генералы и флигель-адъютанты из свиты Его Величества, посланные в губернии специально для наблюдения за реакцией крестьян на объявление манифеста, сообщали о многочисленных случаях крестьянских волнений. В 39 губерниях, из которых такие сообщения поступили, было зарегистрировано 647 подобных случаев. Для подавления волнений применялись военная сила и массовые порки крестьян. «Никогда так часто не применялись розги в России, как в первые месяцы освобождения», – писал накануне пятидесятилетнего юбилея отмены крепостного права С. П. Мельгунов (1911: 171).

Во-вторых, вскоре подтвердился прогноз о том, что материальное положение крестьян в результате реформы не улучшится. Напротив, включились факторы, неожиданные для авторов реформы. Один из них – резко ускорившийся процесс разделов в патриархальных крестьянских семьях. С реформой отпала обязанность крестьян согласовывать разделы с помещиками, которые, как правило, старались сдерживать их. С 1861 по 1881 год в Европейской России разделились 2 371 248 крестьянских семей. На месте 2,3 миллионов зажиточных дворов появилось 6 миллионов дворов бедных (Клюшев 2011), так как при разделе весь прибыль за несколько лет уходил на строительство новой избы, обзаведение

и т. п. В результате непредвиденных социальных последствий реформы значительно возросла рождаемость. Из-за быстрого роста населения получила еще большее распространение малоземельность. Но главной причиной бедности оставалась чрезвычайно низкая урожайность крестьянских полей. Отмена крепостного права не принесла в этом отношении существенных перемен. За первые 10 лет после реформы средняя урожайность зерновых по губерниям Центрального промышленного района повысилась всего на 8 %, за последующие 10 лет – еще на 4 % и т. д. (Тагирова 2011). В крупных помещичьих хозяйствах урожайность была существенно выше и росла быстрее, так что в начале XX века превысила показатели крестьянских хозяйств вдвое.

Еще более грозно подтвердились последствия политических опасений Муравьева – разрыва связей между сословиями империи, а также между ними и престолом. Первым тревожным проявлением этого трагического разрыва стало появление политического терроризма. И дело даже не в том, что среди первопроходцев и вождей терроризма было много дворян. Ускорился общий кризис дворянства. Оно все больше сливалось с разночинной интеллигенцией и проникалось духом недоверия к престолу и всему, что от него исходило, который постепенно становился общим и постоянным для образованного сословия в России. Дети и внуки землевладельцев, потерявших, хотя и за выкуп, две трети своей земли, скорее симпатизировали революционерам, чем были готовы насмерть сражаться с ними.

То, что происходило в крестьянской среде, постепенно готовило бунт, а эволюция дворянства ослабляла силы, которые могли бы противостоять бунту. Реформа 1861 года задала вектор движения, который привел Россию к 1905, а затем к 1917 году. К этому выводу приходили наблюдатели и участники революционных событий начала XX века, а также многие современные исследователи (Ленин 1961; Мельгунов 1911; Захарова 1984; Мироненко 2011; Зорькин 2011).

Но была ли у реформы, осуществленной в 1861 году, реальная альтернатива? Задав этот вопрос, мы вступаем на скользкий путь сослагательной истории. С хрестоматийной максимой, гласящей, что история не знает сослагательного наклонения, мы согласны только в отношении истории как совершившегося прошлого. История как наука не только может, но и должна анализировать варианты, альтернативные совершившемуся, – в этом, на наш взгляд, за-

ключается значительная, если не бóльшая, часть прагматического потенциала исторической науки.

В применении к России 1860-х годов реальными могут быть признаны только те проекты реформы, которые имели шанс на поддержку императора. Поэтому радикально-демократические варианты, предусматривавшие безвозмездную передачу земли крестьянам (т. е. экспроприацию большей части помещичьих земель) и/или дарование стране конституции, в качестве реальных рассматриваться не могут. Но реальная альтернатива существовала, причем она была изначально одобрена царем и даже доведена до исполнителей в форме директивных документов. Речь идет о «Записке об общих началах устройства быта крестьян», которая была подготовлена товарищем министра внутренних дел И. И. Левшиным вместе с двумя его сотрудниками по результатам продолжительных обсуждений этих вопросов с министром внутренних дел В. С. Ланским и министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым (Левшин 1885: 532). Уместно предположить, что ведущую роль на этих совещаниях играл тот из министров, кто лучше владел обсуждаемой темой, т. е. Муравьев. Последний также внимательно отредактировал подготовленный документ (текст с его правкой хранится в ГИАРФ) перед тем, как он был отправлен на Высочайшее имя за подписями обоих министров.

Этот небольшой по объему документ лег в основу Высочайшего рескрипта 21 ноября 1857 года и секретного отношения, отправленного за подписью министра внутренних дел с разъяснением позиции правительства по «общим основаниям» реформы. Он предусматривал, что уничтожение крепостной зависимости осуществляется постепенно, через переходный период, срок которого определялся в интервале 8–12 лет. В течение этого срока крестьяне за деньги или за отработки выкупают у помещика свои усадьбы с постройками, огородами и выпасами, всего от полудесятины до десятины на двор. С момента выплаты суммы выкупа крестьяне приобретают право собственности на усадьбы и личные права свободного состояния. Вся пахотная земля остается в собственности помещика, но разделяется на две части по способу пользования: господскую и отведенную крестьянам. Земли должно быть достаточно для самообеспечения крестьян, уплаты государственных налогов и платы помещикам за пользование землей. Она не может быть уменьшаема или присоединяема к помещичьей земле, должна находиться вблизи крестьянских усадеб и быть удобной для хлебо-

пашества. С началом переходного периода прекращаются продажа, дарение и всякое отчуждение крестьян от земли, обращение их в дворовые или перемещение их против воли. Общинное устройство сохраняется, но каждому семейству обеспечивается право на надел земли с возможным ограничением дробления и передела (ГИАРФ. Ф. 1180. Ед. хр. 96. Л. 13–17).

Перед нами программа замены феодальных крепостных отношений рыночными по своей сути отношениями свободных арендаторов и арендодателей. Но возможно ли было осуществить такую программу, не рискуя дожидаться крестьянского бунта? Ведь именно этого боялся Александр. «Лучше уничтожить крепостную зависимость сверху, чем ждать, когда это произойдет снизу», – говорил он. Отсюда же проистекает и его непереносимое требование, чтобы с объявлением реформы крестьяне немедленно почувствовали улучшение своего положения. Это требование, вряд ли исполнимое по сути, осталось неисполненным и на деле. Перспектива приобрести в собственность землю, которую они и так считали своею, но *в урезанном виде и за повышенные выплаты в течение нескольких десятков лет*, не вызвала у крестьян энтузиазма, а была воспринята как обман. Логично предположить, что перспектива сохранения в постоянном пользовании земли в неурезанном виде и за те же деньги при одновременном ограничении прав помещика в отношении личности крестьянина была бы воспринята ими более доброжелательно, особенно если бы реформа производилась без широко вещательных посулов. Государство сэкономило бы огромные средства, которые были затрачены на выкупную операцию, и тогда, может быть, не получили бы Высочайшей поддержки те, кто ратовал за продажу Аляски. Очевидно также, что престол в полном объеме сохранил бы лояльность дворянства. Может быть, политический терроризм не разворачивался бы так бурно и безнаказанно, Царь-освободитель успел бы даровать конституцию, и российская история XX века пошла бы по другому пути...

Но концепции Муравьева – Ланского – Левшина не суждено было лечь в основу крестьянской реформы. Брат царя как политический противник оказался не по плечу Муравьеву. После одобрения государем концепции, разработанной Н. А. Милютиным под политическим патронажем Великого князя, Муравьев и его единомышленники еще долго вели арьергардные бои. Эти бои закончились для министра государственных имуществ отставкой. П. А. Валуев, в 1858–1860 годах ближайший сотрудник Муравьева, а позже

министр внутренних дел и его политический оппонент, в феврале 1861 года записал в дневнике: «Звезда Муравьева, видимо, бледнеет... При последнем докладе государь с гневом и, ударив по столу, сказал (ему), что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому делу... Видно, что великий князь Константин Михайлович возбудил в государе эту мысль...» (Валуев 1961, т. 1: 74). Через несколько месяцев шестидесятипятилетний Муравьев был уволен и надолго уехал на лечение за границу. «Проводы были самые грустные, все плакали и он также, словно в ссылку ехал», – записал провожавший его брат Андрей (ГИМ ОПИ. Ф. 254. Ед. хр 397. Л. 57). Казалось, Муравьев уходит в политическое небытие. Но ему еще предстояло громкое возвращение...

Эпизод 3. Спаситель России или палач?

В январе 1863 года в Царстве Польском и Северо-Западном крае началось вооруженное восстание за восстановление независимой Польши в границах 1772 года. Военных успехов повстанцы (в основном польская и ополяченная шляхта) не имели, но поражения их вооруженных формирований не приводили к прекращению восстания. Благодаря финансовой и материальной поддержке польских помещиков, агитации, проводимой католическими ксендзами, и надежде на вооруженное вмешательство западных держав, дух мятежа оставался несломленным. Российская администрация мятежных территорий во главе с Великим князем Константином в Варшаве и генерал-губернатором В. А. Назимовым в Вильно пребывала в растерянности и безуспешно пыталась остановить мятеж увещеваниями и бессистемными репрессиями, от которых в основном страдали случайные участники уличных беспорядков. Восстание принимало затяжной характер, что давало западным правительствам повод ультимативно настаивать на выполнении Россией требований поляков. «Запахло» войной. Недоброжелатели России в Европе потирали руки. «Поляки – молодцы, – писал 13 февраля 1863 года Ф. Энгельс К. Марксу. – В начале я страшно боялся, что дела пойдут плохо. Но сейчас уже, пожалуй, больше шансов на победу, чем на поражение» (Маркс, Энгельс 1963: 268).

«Может повториться 1812 год», – заявил Александр II Н. Н. Муравьеву-Карскому в апреле 1863 года (ГИМ ОПИ. Ф. 254. Ед. хр. 492. Л. 5). Царь говорил о возможном повторении 1812 года, но на самом деле боялся повторения 1856 года, когда Россия была вынуж-

дена капитулировать перед англо-французской коалицией. В Зимнем дворце распространялось убеждение, что Польша для России потеряна и что удержать Литву (т. е. Северо-Западный край) – это лучшее, на что можно надеяться.

Нужно было найти человека, достаточно умного, опытного и знающего этот край, чтобы предложить систему действий, способных быстро остановить мятеж, и достаточно решительного, чтобы принять на себя ответственность за реализацию этой системы, включая неизбежные жесткие меры. Человека, достаточно укорененного во властных структурах и имеющего прямой выход на императора и высших должностных лиц империи, чтобы решать возникающие вопросы, минуя бюрократические проволочки и через голову польского и европейского лобби во всех эшелонах власти. Именно таким человеком был М. Н. Муравьев.

Александр II смог переступить через личную антипатию к Муравьеву, но он не был уверен, что тот примет такое назначение. Могла сказаться обида за недавнее увольнение. К тому же предлагаемая ему должность была ниже той, которую он занимал до отставки. Главное – должность генерал-губернатора мятежного края сулила невероятно напряженную работу, была сопряжена с реальной угрозой для жизни и яростными атаками со стороны либеральной аристократии и европейской прессы в случае неизбежных жестких мер в отношении вдохновителей и предводителей мятежа. Принудить же больного старика взяться за такую работу не мог даже царь. Но Муравьев не колеблясь принял назначение с условием, что он будет подчинен только и непосредственно императору.

О мотивах такого решения два мифа предлагают диаметрально противоположные версии. Согласно мифу развенчательному Муравьев «принял на себя роль тирана и палача из властолюбия и из жадности к наживе» (Долгоруков 1864: 56). Миф героический не видит иных побуждений, кроме чувства долга, «великого подвига самоотвержения».

В предположение о финансовых мотивах поверить трудно. К тому времени Муравьев был богат: в 1860 году ему было пожаловано более 20 тыс. десятин земли в Самарской губернии. Иное дело – извечная потребность Муравьева «поелико возможно приносить пользу», которая у сановника его уровня неизбежно превращается в потребность руководить, т. е. властвовать. Видимо, был и еще один мотив, не столь очевидный, но чрезвычайно важ-

ный для бойцовского темперамента нашего героя. Неудачную борьбу против крестьянской реформы в редакции Константина Николаевича и последовавшую за ней отставку Муравьев переживал как личное поражение. Призвание на ключевой пост в критический для страны момент уже было в какой-то степени реваншем. Дело оставалось за малым – успешно выполнить трудную миссию.

Н. М. Муравьев ехал в Вильно без уверенности в успехе принятой им на себя миссии (в этом он позже признавался в письмах брату), но с продуманной системой действий, которую он до отъезда согласовал с царем и начал претворять в жизнь немедленно по прибытии к месту новой службы. Первоочередной задачей было поднять боевой дух войск и потребовать не ограничиваться обращением мятежников в бегство, а упорно преследовать их вплоть до полного уничтожения или пленения. Требовалось далее незамедлительно восстановить государственное управление краем. Структура гражданского управления, по оценке Муравьева, была полностью разложена мятежниками и бездействовала, между тем как подпольные повстанческие комитеты в городах и уездах без помех осуществляли функции полиции, жандармерии, духовного окормления, продовольственного обеспечения и вооружения мятежников. В кратчайшие сроки Муравьев создал новую управленческую структуру, для чего весь край был разделен на «отделы» (в основном совпадавшие с уездами) и во главе каждого поставлен «единоличный главный распорядитель» из числа военных.

Чтобы немедленно искоренить чувство вседозволенности и безнаказанности, которое закрепилось среди польского населения в результате попустительства русских властей при В. И. Назимове, была введена и начала неуклонно осуществляться система штрафов и наказаний за демонстрацию и распространение антирусских и антиправительственных настроений, поддержку мятежа в любой форме, подстрекательство к участию или участие в нем. Подлежавшие наказанию действия включали в себя оскорбительное поведение в отношении русских военных и должностных лиц в общественных местах, ношение траура по жертвам антироссийских демонстраций и др. Ремесленники и торговцы, работники которых уходили к мятежникам, наказывались высокими денежными штрафами, а помещики, когда-либо помогавшие повстанцам материально, т. е. практически все польские землевладельцы, должны были уплачивать сбор на ликвидацию мятежа и его последствий в размере 10 % от суммы доходов.

Важнейшее место в системе Муравьева занимали меры, которые лишали мятежников массовой социальной базы – поддержки белорусских и литовских крестьян. Уже через несколько дней после вступления в должность Муравьев издал обращение к крестьянам, в котором объявлялось полное их освобождение от каких-либо обязательств в отношении помещиков. Мировые посредники из числа местной шляхты, толковавшие и претворявшие в жизнь реформу 1861 года исключительно в интересах поляков-помещиков за счет обмана крестьян-белорусов (или литовцев), отрешались от должности. Крестьянам возвращались земли, отрезанные у них после 1857 года, выпасы и право пользоваться лесом. Трехдесятиными наделами обеспечивались безземельные батраки, многие из которых до того уходили в повстанческие отряды в надежде, что землю им даст будущее революционное правительство, и теперь они могли вернуться в родные деревни. Крестьяне призывались к формированию вооруженных караулов и сельской стражи для противодействия шляхетскому террору. В Северо-Западном крае Муравьев проводил политику, направленную на то, чтобы оторвать крестьян от помещиков – прямо противоположную той, которую он считал единственно правильной для русских губерний.

Муравьевская система предполагала еще одно, особенно тяжелое решение. Чтобы морально сломить инсургентов, Муравьев считал необходимым поразить их страхом, введя в практику показательные казни вожаков и вдохновителей мятежа, невзирая на их аристократическое происхождение или духовный сан. Решаясь на этот шаг, Муравьев сознавал, что тем самым он наносит удар по чувству международной сословной солидарности дворянства. Телесные наказания и даже казни провинившихся крестьян или солдат это сословие принимало как печальную необходимость. Но тот, кто посылал на эшафот дворянина, становился не рукопожатным «людоедом». Муравьев не колебался: несколько смертных приговоров в отношении ксендзов-подстрекателей и аристократов – руководителей повстанческих отрядов были утверждены им уже в первые дни его пребывания в должности и публично приведены в исполнение на центральных площадях крупнейших городов края. Всего же за два года губернаторства в шестимиллионном крае по утвержденным им приговорам военных судов было казнено 128 человек. На каторжные работы, на поселение в Сибирь и в арестантские роты сослано 3263, выслано во внутренние губернии 1529 человек.

Репрессии в отношении вдохновителей и вожаков мятежа вызвали ожидаемую всеевропейскую волну мощной критики в адрес М. Н. Муравьева. Застрельщиком ее был А. И. Герцен. По мере того как Муравьев, игнорируя его филиппики, методично продолжал выборочный террор, ярость Герцена обрушилась уже не только на «Вешателя», но и на русских в целом. «“Адресоложество” продолжается, только падая глубже и глубже, оно запуталось в розгах и орудиях пытки... Русскому человеку не раз случалось спяну просыпаться в помойной яме, но на этот раз он проснется в кровавой», – писал издатель «Колокола» осенью 1863 года по поводу многочисленных приветственных адресов, поступавших Муравьеву ото всех сословий России (Герцен 1959а: 258). «Портрет этот пусть сохранится для того, чтобы дети научились презирать тех отцов, которые в пьяном раболопии телеграфировали любовь и сочувствие этому бесшейному бульдогу, этой жабе с отвислыми щеками... с выражением плотоядной злобы», – продолжал он в январе 1864 года в связи с публикацией портрета Муравьева в лондонской *Times* (Он же 1959б: 34). Муравьев продолжал свое дело, а читатели не простили Герцену антирусской позиции: раскупаемый тираж «Колокола» упал с 2500 до 500 экземпляров и никогда больше не поднимался выше 1000.

Российская пресса не сразу определяется с тем, какой должна быть реакция на действия Муравьева в Литве. Всем была известна личная антипатия царя к Муравьеву, а успех его миссии казался сомнительным. В случае неудачи его ждали отставка и всеобщий ostracism. Издатели понимали это, и в первые недели сообщения о событиях в Вильно печатались либо в подчеркнуто отстраненной тональности, либо даже с нотками симпатии в отношении жертв муравьевских репрессий. На этом фоне издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков развернул кампанию медийной поддержки политики Муравьева. Почти в каждом номере появлялись публикации по «польскому вопросу», рассматриваемому с последовательно имперских позиций. Важнейшую роль в формировании общественного мнения в пользу жесткой политики в Польше играла позиция Русской православной церкви и ее фактического предстоятеля митрополита Филарета (Дроздова). По всей России проходили богослужения и проповеди о даровании победы русскому оружию, в которых имя Муравьева звучало как символ надежды. За несколько недель Муравьев, который до этого был известен преимущественно в административных кругах, приобрел всероссийскую известность.

Вскоре последовали и организационные выводы. М. Н. Муравьев получил орден Андрея Первозванного, а Константин Николаевич был отозван с должности наместника и отправлен в длительный отпуск. Реванш Муравьева состоялся. Когда Великий князь на пути из Варшавы в Петербург проезжал через Вильно, Муравьев сказался больным и вопреки требованиям этикета не явился на встречу брата царя. Позаботился он и о том, чтобы истинные мотивы его «болезни» дошли до сведения гостя. В письме министру внутренних дел П. Валуеву от 20 августа 1883 года он называет брата царя «неучем и дерзкой тварью» (ГИМ ОПИ. Ф. 241. Ед. хр. 22. Л. 83). Письмо было личным, но не секретным, и утечки были практически неизбежны.

За три месяца вооруженный мятеж в Северо-Западном крае был в основном прекращен и государственное управление восстановлено. Столь быстрый успех наводит на мысль, что масштабы мятежа и степень его опасности были сильно преувеличены. Историки свидетельствуют, что поляки подготовились к восстанию слабо, гораздо хуже, чем в 1830 году. Повстанцы располагали всего 10 тыс. человек, притом что русская армия в Царстве Польском насчитывала 80 тыс. (Флоринский 2013: 225) Примерно таким же было соотношение сил в Северо-Западном крае. Еще более скептически оценивал масштаб восстания В. О. Ключевский (2012: 282–283): «Безучастие и даже противодействие восстанию сельского населения, отсутствие общего плана и раздоры партий среди повстанцев вместе с энергическими мерами графа Берга в Царстве и Муравьева в Литве помогли окончательно подавить восстание, которое не было народным движением и превратилось в простой разбой».

Так почему же относительно слабый вызов породил такую мощную волну патриотического подъема в России? Муравьев, который был вовсе не склонен переоценивать масштабы восстания, дает ответ на этот вопрос. «Тщательный обзор всего движения ясно показывает, что не мятежники нас одолели, а мы сами им подчинились неуместными распоряжениями и непростительными слабостями. Мятежники... торжествовали не от своей силы, а от нашего бессилия. Здесь не столько войско было нужно, сколько энергические распоряжения... Сейчас все убедились, что правительственная власть свалит революционную, и потому покоряются», – пишет Муравьев Валуеву уже через три недели после начала работы в Вильне (ГИМ ОПИ. Ф. 281. Ед. хр. 22. Лл. 38–38 об).

Думается, этой оценке можно придать более широкий контекст. Деморализованные поражением в Крымской войне, российская элита и общество в целом утратили веру в свои силы, переоценивали силы повстанцев и степень готовности Англии и Франции к решительным действиям против России. Наступательные действия Муравьева породили надежду на возрождение России и показали слабость противника. К правительству вернулась уверенность, к россиянам – вера в правительство. У повстанцев поубавилось гонору. Все остальное было делом техники. Не военный гений и не боевые подвиги, а продуманность программы действий, решительность и последовательность в ее осуществлении и готовность взять на себя грязную работу, если она необходима, составляют заслугу Муравьева.

Но стратегические замыслы М. Н. Муравьева простирались гораздо дальше подавления восстания. Покончив с военной фазой мятежа, Муравьев приступил к преобразованиям, которые должны были навсегда ослабить польское и укрепить русское влияние в крае. Законодательно закреплялись установления, введенные в интересах крестьян на предшествующем этапе. Прежние уставные грамоты аннулировались и составлялись новые, в которых наделы крестьян увеличивались, а выкупные платежи уменьшались. Русскими чиновниками из центральных губерний замещались все главные должности в государственном аппарате на губернском и уездном уровнях. Предполагалось, что в будущем русские помещики возглавят земские собрания и обеспечат их лояльность. Значительно увеличивалось число народных школ с преподаванием на русском языке. Это стало возможным благодаря прибытию из центральных губерний нескольких сотен русских учителей. Всего же в первый год после подавления мятежа в Северо-Западный край прибыло более 3 тыс. русских чиновников и учителей.

Муравьев выхлопотал в Петербурге разрешение ежегодно направлять существенную часть поступлений от обложения польских землевладельцев на улучшение материального положения приходов РПЦ. При этом резко ограничивалась деятельность католических приходов и монастырей, запрещалось употребление польского языка в делопроизводстве и общественных местах в целом. Одним словом, развернулась работа по деполонизации и русификации губерний, где элиты были почти сплошь польскими, а основную массу населения составляли белорусские крестьяне.

Особый интерес представляет вопрос о том, как сказалась эта деятельность на процессе этногенеза белорусов. В силу ряда обстоятельств – отсутствия национальной идеологии, доминирования патриархальной ментальности сельских обществ, сплошь неграмотных и привыкших мыслить только в категориях деревни и церковной общины – белорусский этногенез в 1860-х годах только готовился сделать первые шаги. Этническое сознание белорусского народа проявлялось только в чувстве «свойкасцьі», «тутэйшасцьі» односельчан и носителей одного с ними языка и конфессиональной идентичности, и «чужачкасцьі» приезжих, например «москалей» и «мазуров» (Радзік 1995: 195–197). Поэтому борьба между польским и русским культурным доминированием означала для белорусов не русификацию, а только определение вектора – польского или русского – в процессе этногенеза, которому только еще предстояло развернуться. Преобразования Муравьева, несомненно, произвели долгосрочное воздействие в пользу русского вектора этого судьбоносного для белорусов процесса.

Но в Петербурге реформаторская деятельность Муравьева воспринималась как самоуправство. «Государь явно тяготится Муравьевым», – записал в дневнике Валуев (1961: 283) уже 15 мая 1864 года. Муравьев просил отставки по состоянию здоровья, но Александр удерживал его – нет достойного преемника. Через год преемник нашелся, и в апреле 1865 года Муравьев был отправлен в отставку с одновременным возведением его с нисходящим потомством в графское достоинство.

Еще через год, после покушения Д. В. Каракозова, он был вновь призван на службу в качестве председателя следственной комиссии. Следствие было проведено быстро и тщательно. Каракозова приговорили к смертной казни. За 4 дня до приведения приговора в исполнение, не успев получить посланный ему царем алмазный бант к ордену Андрея Первозванного, Муравьев скоропостижно скончался в своем имени.

В заключение приведем две эпитафии М. Н. Муравьеву, вышедшие из-под пера двух выдающихся сынов России.

«...В деревенской глуши, темной ночью, без свидетелей, без слов раскаяния, без попов, без слез и помощи задохнулся отвалившийся от груди России вампир» (А. Герцен).

«На гробовой его покров / Мы вместо всех венков кладем слова простые: / Не много было б у него врагов, / Когда бы не твои, Россия» (Ф. Тютчев)...

Литература

Ананьев, С. В. 2007. *М. Н. Муравьев-Виленский: политическая биография*: дис. ... канд. ист. наук. Саратов: СГТУ.

Баутин, В. М. 2011. Реформы 1861 г. и развитие аграрного образования в России. В: *Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие России*. М.: РГАУ – МСХА им. Тимирязева, с. 39–49.

Валуев, П. А. 1961. *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел*: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР.

Восстание декабристов. Материалы и документы: в 12 т. М.; Л., 1925–1969.

Герцен, А. И.

1959а. Адресоложество. В: Герцен, А. И. *Собр. соч.*: в 30 т. Т. XVII. М.: Изд-во АН СССР, с. 258–259.

1959б. *Портрет Муравьева*. В: Герцен, А. И. *Собр. соч.*: в 30 т. Т. XVIII. М.: Изд-во АН СССР, с. 258–259.

Грибовский, М. К. 1875. Записка о тайных обществах в России. *Русский архив*. Кн. 3, с. 423–433. М.

Долбилов, М. Д.

2002. М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства. *Отечественная история* 6: 67–90.

2008. Считал себя обязанным в сем участвовать. Почему М. Н. Муравьев не отрекся от Союза благоденствия. В: *Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы*. М.: РГГУ, с. 195–215.

Долгоруков, П. В. 1864. *Михаил Николаевич Муравьев*. Londres: Imprimerie du Prince Pierre Dolgoroukow.

Захарова, Л. Г. 1984. *Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861*. М.: Изд-во МГУ.

Зорькин, В. Д. 2011. Освободительные реформы и правовая модернизация России. В: *Великие реформы и модернизация России. Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права*. СПб: Изд-во Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина.

Журналы и мемории общего собрания Государственного Совета по крестьянскому вопросу с 28 января по 14 марта 1861 г. 1915. Пг.: Изд-во Гос. совета.

Игнатов, И. И. 1911. Встреча на местах. В: *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем*: в 6 т. Т. 5. М.: Издание т-ва И. Д. Сытина, с. 172–179.

Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. 1975. Т. 1. М.: Гос. истор. музей.

Ключевский, В. О. 2012. *Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России*. М.: Русская панорама.

Клюшев, А. В. 2011. Отмена крепостного права и ее последствия в повседневной жизни деревни. В: *Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие России*. М.: РГАУ – МСХА им. Тимирязева, с. 118–120.

Кропотов, Д. А. 1874. *Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно*. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о.

Лебедев, С. В. (сост.) 2014. *Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском*. М.: Ин-т русской цивилизации.

Левшин, А. И. 1885. *Достопамятные минуты в моей жизни*. Записка Алексея Ираклиевича Левшина. *Русский архив* 8: 475–557.

Ленин, В. И. 1961. *Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция*. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 20. М.: Политиздат.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1963. Письмо Ф. Энгельса К. Марксу 13 февраля 1863 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.*: в 50 т. Т. 30. М.: Госполитиздат.

Мельгунов, С. П. 1911. 5 марта 1861 года. В: *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем*: в 6 т. Т. 5. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, с. 164–171.

Мироненко, С. 2011. Великая, но неудачная. К 150-летию крестьянской реформы 1861 г. В: *Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие России*. М.: РГАУ – МСХА им. Тимирязева, с. 17–19.

М. Н. 1915. (М. Н. Покровский) Михаил Николаевич Муравьев. В: *Энциклопедический словарь русского bibliографического института Гранат*. 7-е стереотип. изд. М.: Изд. тов. А. Гранат и К^о. Т. 29, с. 397–399.

Муравьев, Н. Н.

1885. Записки Николая Николаевича Муравьева. *Русский архив*. М. Кн. 3: с. 5–84, 225–262, 337–408, 451–497.

1886. Записки Николая Николаевича Муравьева. *Русский архив*. М. Кн. 1: 5–53, 2: 69–146. М.

Нечкина, М. В. 1951. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. В: *Декабристы и их время (материалы и сообщения)*. М.; Л.: АН СССР, с. 155–188.

Петров, К. В. (сост.) 2008. «Готов собою жертвовать...». *Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа*. 1863–1866. М.: Пашков дом.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. 1993. М.: Терра.

Радзик, Р. 1995. Прычыны слабасці нацыятворчага прасэсу беларусаў у XIX–XX ст. *Беларускі гістарычны агляд*. Сшытак 2: 196–227.

Сахаров, А. Н. (ред.) 2001. *Восстание декабристов. Документы*. Т. XX. *Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной комиссии*. М.: РОССПЭН.

Тагирова, Н. Ф. 2011. Реформа 1861 года. Опыт реализации в Урало-Поволжье. В: *Великая крестьянская реформа 1861 г. и ее влияние на развитие России*. М.: РГАУ – МСХА им. Тимирязева, с. 78–87.

Флоринский, М. Т. 2013. *Россия. История и интерпретация*: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука.

Федосова, Э. П. 2015. *Граф М. Н. Муравьев-Виленский (1796–1866). Жизнь на службе империи*. М.: ИРИ РАН.

Щеголев, П. Е. 1926. Граф М. Н. Муравьев – заговорщик (1816–1826). В: Щеголев, П. Е., *Декабристы*. М.; Л.: Гос. изд-во, с. 128–152.

Якушкин, И. Д. 1905. *Записки*. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, арендованная В. И. Вороновым.

Schoenbeck, E. 2012. *Aeldst, yngst eller mittemelan. Din placering i syskonskaran och hur den paverkar dig*. Leck: CPI Clausen & Bosse.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГИАРФ – Государственный исторический архив Российской Федерации.

ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.